

ЭРИН УАТТ

БУМАЖНАЯ
ПРИНЦЕССА

Издательство АСТ
Москва

*Посвящается Марго,
которая, так же как и мы,
увлеклась этим проектом*

БЛАГОДАРНОСТИ

Когда мы решили объединиться и написать эту книгу вместе, нам и в голову не приходило, насколько потрясающим окажется сам процесс и насколько сильно мы сроднимся с нашими героями и миром, который создали. Каждая секунда работы над книгой была в радость, но мы не смогли бы воплотить наши мысли в слова, что вы сейчас читаете, если бы не помощь и поддержка некоторых потрясающих людей:

— Марго, Шоны и Нины — наших первых читательниц, которые по-прежнему любят нас, несмотря на то что мы жестокосердно закончили роман на самом интересном месте.

— Нины, нашего рекламного агента, которую благодарим за энтузиазм и неустанную поддержку этого проекта.

— Мелжан Брукс, предложившей идею обложки, которая как нельзя лучше подошла этой серии!

И конечно, мы в вечном долгу перед всеми блогерами, рецензентами и читателями, которые не пожалели времени на то, чтобы прочесть и оценить эту книгу, написав свой отзыв. Без вашей поддержки и постоянной обратной связи весь этот процесс оказался бы бессмысленным!

ГЛАВА 1

—)лла, тебя ждут в кабинете директора, — останавливает меня мисс Уэйр в тот момент, когда я уже собираюсь войти в свой класс по алгебре.

Я смотрю на часы.

— Но я даже не опоздала.

До девяти еще минута, а эти часы никогда не врут. Наверное, это самая дорогостоящая вещь из всего моего имущества. Мама говорила, что часы принадлежали моему отцу. Единственное, что он ей оставил, не считая своей спермы.

— Дело не в опоздании... на этот раз. — Обычно суровые, сейчас ее глаза смотрят на меня непривычно мягко, и мое подсознание отправляет предупреждение еще не проснувшемуся до конца мозгу. Мисс Уэйр — та еще стерва, потому мне и нравится. Она обращается со своими учениками так, словно мы здесь исключительно для того, чтобы изучать математику, а не получать уроки жизни: «возлюби своего соседа» и прочую муру. И то, как сочувственно она смотрит на меня, означает, что в кабинете директора меня не ждет ничего хорошего.

— Ладно.

Можно подумать, у меня был выбор. Кивнув, я направляюсь в сторону школьной канцелярии.

— Я пришлю тебе задания на электронную почту! — кричит мне вслед мисс Уэйр. Похоже, она считает, что

на занятия я уже не вернусь, но вряд ли директор Томпсон может сообщить мне новости более ужасные, чем моя собственная жизнь — ее прошлое и настоящее.

До того, как я поступила в предвыпускной класс школы имени Джорджа Вашингтона, я уже потеряла все, что могло иметь какое-то значение. И если даже директор Томпсон каким-то образом узнал, что мой фактический адрес не дает мне права здесь учиться, я смогу что-нибудь соврать, чтобы потянуть время. Ну, а если меня все же переведут в другую школу (самое страшное из того, что может случиться со мной сегодня), ну и пусть. Я это сделаю.

— Как дела, Дарлин?

Секретарь нашей школы — строгая стрижка с челочкой, неохотно отрывает глаза от своего журнала со сплетнями о знаменитостях.

— Присаживайся, Элла. Мистер Томпсон скоро тебя вызовет.

Да-да, мы с Дарлин обращаемся друг к другу по имени. А все потому, что для одного месяца учебы я провела слишком много времени в этой приемной из-за постоянно растущей стопки моих талонов об опозданиях. Что делать, если работаешь по ночам и роняешь голову на подушку в три утра, а то и позже.

Я вытягиваю шею, чтобы через открытые жалюзи заглянуть в кабинет директора. В кресле для посетителей кто-то сидит, однако все, что мне удастся увидеть, это массивную челюсть и темно-русые волосы. Моя полная противоположность — я натуральная блондинка с голубыми глазами. Если верить маме, это мне досталось от папаши.

Гость Томпсона напоминает мне тех приезжих бизнесменов, которые отваливали моей маме чертову уйму денег, чтобы она всю ночь притворялась их подружкой. Кто-то тащился от этого куда больше, чем от простого секса. Ну, это тоже со слов моей мамы, конечно. Я не собираюсь идти по этому пути... пока. И надеюсь, что не придется никогда, вот поэтому мне так нужен аттестат о полном среднем образовании — тогда я смогу посту-

пить в колледж, получить диплом и жить нормальной жизнью.

О чем мечтают подростки? Кто-то о том, чтобы объехать весь мир, для других — предел мечтаний собственная машина или большой дом. А я? Я хочу, чтобы у меня была своя собственная квартирка, забитый едой холодильник и стабильная зарплата за работу, которая приносит удовольствие.

Между тем мужчины продолжали разговаривать. Прошло уже пятнадцать минут, но они и не думали завершать свой треп.

— Эй, Дарлин? Вообще-то, я сейчас пропускаю алгебру. Может, мне лучше вернуться, когда мистер Томпсон не будет занят?

Я стараюсь говорить очень вежливо, как это только возможно. Однако все усилия идут насмарку, потому что в моей жизни практически не присутствовали взрослые люди — моя ветреная, но прекрасная мамочка не в счет — и в моем голосе отсутствует необходимая доля смирения, обязательного, по мнению старших, для возраста, в котором по закону еще запрещено употреблять спиртное.

— Нет, Элла. Мистер Томпсон скоро тебя вызовет.

В этот раз она оказывается права, потому что дверь открывается и в приемную выходит сам директор. Рост мистера Томпсона едва превышает полтора метра, да и выглядит мужчина так, словно сам только в прошлом году окончил школу. Но ему каким-то образом удается казаться солидным и облеченным властью.

Он жестом приглашает меня войти.

— Мисс Харпер, прошу, проходите в мой кабинет.

В кабинет? Когда там еще сидит этот Дон Жуан?

— В вашем кабинете уже кто-то есть, — указываю я на очевидное. Это все чертовски подозрительно, и мое шестое чувство велит мне уносить отсюда ноги. Но если я сейчас сбегу, то можно будет поставить крест на моем тщательно продуманном плане о будущей лучшей жизни.

Томпсон поворачивается и смотрит на Дон Жуана, который поднимается из кресла и делает приветственный жест широкой ладонью.

— Да. Потому ты и здесь. Входи, пожалуйста.

Я неохотно проскальзываю мимо мистера Томпсона и замираю у порога. Директор закрывает двери и опускает жалюзи на окнах кабинета. Ну вот, теперь я действительно начинаю нервничать.

— Мисс Харпер, возможно, вам лучше присесть. — Томпсон указывает на кресло, которое только что освободил Дон Жуан.

Скрестив руки на груди, я с вызовом смотрю на них. Скорее случится всемирный потоп, чем я опущусь в это кресло.

Томпсон вздыхает и усаживается за свой стол, понимая, что дальнейшие разговоры со мной бесполезны. Это заставляет меня запаниковать еще больше — если директор решил отказаться от этого сражения, значит, грядет что-то куда более серьезное.

Он поднимает стопку бумаг, лежавших на столе.

— Элла Харпер, это Каллум Ройал. — Директор умолкает, как будто это имя должно мне о чем-то сказать.

Все это время этот Ройал таращится на меня так, словно в первый раз видит существо женского пола. Тут до меня доходит, что мои скрещенные руки подпирают мою грудь, и я опускаю их и теперь не знаю, куда деть.

— Приятно познакомиться, мистер Ройал. — Однако все мы понимаем, что думаю я совершенно противоположное.

Звук моего голоса словно вырывает его из транса. Шагнув вперед, мужчина хватает мою правую ладонь обеими руками, и так быстро, что я даже не успеваю отпрянуть.

— Мой бог, как ты на него похожа. — Эти слова, сказанные шепотом, слышим только он и я. И тут же, вдруг вспомнив, где находится, Ройал пожимает мою руку. — Прощу, называй меня Каллум.

Что-то странное есть в его голосе. Мужчина словно выдавлиывает из себя слова. Я пытаюсь вытащить свою ладонь, что требует некоторых усилий — этот ненор-

мальный не хочет меня отпускать. Мистеру Томпсону приходится пару раз кашлянуть, чтобы Ройал освободил мою руку.

— Что происходит? — резко спрашиваю я.

Для семнадцатилетней девушки, которая обращается к взрослым людям, мой тон может показаться неподобающим, но это обстоятельство, кажется, никого не волнует.

Мистер Томпсон беспокойно проводит рукой по волосам.

— Даже не знаю, с чего начать, поэтому скажу прямо. Мистер Ройал утверждает, что оба твоих родителя скончались и теперь он твой опекун.

Я замираю. Но только на мгновение. Его как раз хватает, чтобы шок превратился в негодование.

— Дерьмо собачье! — Ругательство вырывается из моего рта прежде, чем я успеваю остановиться. — Моя мать записывала меня в эту школу. На всех документах стоит ее подпись.

Мое сердце колотится с бешеной скоростью, потому что на самом деле подписи ставила я — подделала мамин почерк, чтобы иметь возможность контролировать свою жизнь. Несмотря на то, что я несовершеннолетняя, наши роли в семье поменялись уже давно.

Стоит отдать должное мистеру Томпсону, который не стал меня отчитывать за сквернословие.

— Эти документы свидетельствуют о том, что заявление мистера Ройала имеет законные основания. — Директор перелистывает бумаги.

— Да ну? Значит, он врет. Я никогда прежде не видела этого мужика, и если вы позволите ему забрать меня, то в следующем же репортаже сообщат о том, как одна из учащихся школы имени Джорджа Вашингтона пропала и оказалась в сексуальном рабстве.

— Ты права, мы никогда не встречались, — вмешивается Ройал. — Но это ничего не меняет.

— Дайте мне посмотреть. — Я подсакиваю к столу Томпсона и выхватываю документы из его рук. Мои глаза бегают по страницам, не вчитываясь в текст, выхватывая отдельные слова: *опекун, покойный, завещал.*

Но они ничего не значат. Каллум Ройал все равно остается чужаком. Точка.

— Возможно, если подойдет твоя мама, все прояснится, — предлагает мистер Томпсон.

— Да, Элла, приведи свою маму, и тогда я откажусь от всех притязаний, — уступает незнакомец, однако в его голосе звучат стальные нотки. Ему что-то известно.

Я поворачиваюсь к директору. Он здесь — слабое звено.

— Я смогла бы сделать то же самое в школьном компьютерном зале. И даже без «Фотошопа». — Я бросаю пачку бумаг на его стол. В глазах мистера Томпсона появляется сомнение, и я решаю еще надавить на него. — Мне нужно вернуться на занятия. Семестр только начался, и я не хочу отстать.

Пока директор размышляет, я принимаю уверенный вид, глядя на него с высоты собственного роста. Мне не нужен папочка. И уж точно не нужен опекун. Где был этот козел, когда мама старалась сводить концы с концами, или когда у нее диагностировали рак и она мучилась от ужасных болей; или когда рыдала на своей кровати в хосписе, потому что оставляла меня одну на всем белом свете? Где был он *тогда*?

Томпсон вздыхает.

— Хорошо, Элла, можешь вернуться в класс. Очевидно, что нам с мистером Ройалом еще нужно многое обсудить.

— Эти документы подготовлены по всем правилам, — сразу же возражает Ройал. — Вам известно, кто я, вы знаете о моей семье. Я бы не стал вручать вам эти бумаги, не будь они подлинными. Зачем мне это делать?

— В мире полно извращенцев, — язвительно парирую я. — И у каждого множество причин сочинять всякие небылицы.

Томпсон машет рукой.

— Довольно, Элла. Мистер Ройал, это неожиданно для всех нас. Мы свяжемся с матерью Эллы и все выясним.

Ройал недоволен таким поворотом и снова начинает разлагольствоваться о том, какая он важная персона и что Ройалы никогда не лгут. Сейчас он еще расскажет историю про Джорджа Вашингтона и вишневое дерево*. Пока эти двое препираются, я выскальзываю из кабинета.

— Дарлин, мне нужно в туалет, — вру я. — А потом сразу же вернусь в класс.

Женщина с легкостью клюет на мою ложь.

— Можешь не торопиться. Я сообщу твоему преподавателю.

Но в туалет я не иду. И в класс тоже не возвращаюсь. Вместо этого бегу на остановку и сажусь в автобус, на котором мне ехать до конца маршрута.

Еще полчаса — добежать до квартиры, которую я снимаю за пятьсот долларов в месяц: спальня, сомнительного вида ванная и совмещенная с кухней гостиная, где воняет плесенью. Но зато за нее мало просят, и моя домовладелица с радостью принимает оплату наличными и не интересуется источником доходов.

Я не знаю, кто такой Каллум Ройал, но его появление в Кирквуде точно не приведет ни к чему хорошему. Те документы не были поддельными. Они были настоящими. Но ни за что на свете я не отдам свою жизнь в руки какого-то чужака, который появился из ниоткуда.

Моя жизнь — это моя жизнь. Я живу ею. Я ею расправляюсь.

Вытряхнув из рюкзака учебники, за которые пришлось отвалить целую сотню, я запикиваю в него одежду, туалетные принадлежности и тысячу долларов — все, что осталось от моих сбережений. Черт. Мне нужно быстро подзаработать еще, чтобы убраться из города. А сейчас я практически на мели. Переезд

---

* Речь идет о следующей истории: однажды маленький Джордж Вашингтон решил испытать свой новый перочинный ножик и изрезал ствол вишни в саду своего дома. Его отец увидел поврежденное дерево и стал искать злоумышленника. Джордж Вашингтон признался во всем, и отец не только не наказал мальчика, но даже похвалил его. Мораль такова: всегда следует говорить только правду. О подлинности этой истории идут споры.

сюда обошелся в две тысячи, включая билеты на автобус, арендную плату за первый и последний месяц, да еще и задаток. Отстойно, что арендные деньги придется потерять, но оставаться здесь больше нельзя.

Я снова в бегах. Такова моя жизнь. Мы с мамой все время куда-то убегали. От ее дружков, боссов-извращенцев, социальных служб, от бедности. Единственным местом, где мы задержались надолго, был хоспис, потому, что мама умирала. Иногда мне кажется: вселенная решила, что быть счастливой мне не положено.

Я сажусь на край кровати, стараясь не разреветься от чувства бессилия, злости и, да, признаюсь, от страха. Пять минут на то, чтобы пожалеть себя, истекают, и я хватаю телефон. К черту вселенную.

— Привет, Джордж, я тут подумала о твоем предложении поработать в «Дэдди-Джи», — говорю я, когда в трубке раздается мужской голос. — Я готова принять его.

Я зарабатывала на жизнь, танцуя у шеста в «Мисс Кэнди», клубе для начинающих, где раздеваются только до стрингов и стикини*. Деньги платят хорошие, но не огромные. Последние несколько недель Джордж уговаривал меня перебраться в «Дэдди-Джи», где оголяются полностью. Я отказывалась, потому что не видела в этом необходимости. Но теперь она появилась.

Мне посчастливилось унаследовать фигуру моей мамы: длинные ноги и осиная талия. Конечно, моя грудь не выдающегося четвертого размера, но Джордж говорит, что ему нравятся мои торчащие сиськи второго, потому что они создают иллюзию молодого тела. Это, конечно, не иллюзия, просто в моем удостоверении личности значится, что мне тридцать четыре и зовут меня не Элла Харпер, а Маргарет Харпер. Как мою покойную маму. Звучит, конечно, жутковато, но я стараюсь не сильно париться на эту тему.

Вообще-то семнадцатилетней девушке непросто найти работу с неполной занятостью, где платят столько, чтобы хватало на погашение счетов. Большин-

---

* Наклейки на соски.

ство предложений противозаконны: торговля наркотиками, проституция, стриптиз. Я выбрала последнее.

— Черт, милая, это отличные новости! — радостно восклицает Джордж. — Сегодня вечером у меня как раз есть свободный выход. Будешь танцевать третьей. Наденешь форму ученицы католической школы. Клиентам это понравится.

— Сколько заплатишь?

— Сколько чего?

— Наличных, Джордж. Сколько ты мне заплатишь?

— Пять сотен плюс тебе достаются все твои чаевые. Если захочешь, то можешь брать себе приватные танцы, за каждый такой я добавлю еще сотню.

Ничего себе! Я смогу заработать тысячу баксов только за одну эту ночь. Все опасения и дискомфорт я задвигаю в самый дальний уголок сознания. Сейчас не время для внутренних этических диалогов. Мне нужны деньги, а стриптиз — один из самых безопасных способов их заработать.

— Я скоро буду. Запиши на меня как можно больше приватных танцев.